

дает значения «oignon», «ail» (стр. 15), означает только «лук».

Чередование гласных в *qīsyn / iḡosun* «слышать» и *qwysyn / iḡusun* «слышаться», «быть слышным» стоит в одном ряду с хорошо известной системой чередований, когда сильный гласный дает каузативное значение (**gaušayali*), а слабый — медальное (**gušalai*); ср. *ənk'ūsun* «шатать», *ənk'wysun* «шататься», *əmpūlyn* «морщить», *əmpūlyn* «морщиться», *tūxun* «кутать», *tuxsyn* «обвиваться» и др.¹ Это морфологическое (залоговое) чередование вряд ли можно отождествлять с лексической двузачностью согд. *γwš-* (*plγwš-*), как это делает Бенвенист (стр. 49 и сл.).

Осет. *reweəd* «теленюк» (стр. 40) давно разъяснено в связи с авест. *fravaiti* «теленюк»².

По утверждению Бенвениста, др.-иран. **tak-* «бежать» сохранилось в осетинском как глагол только с значением «течь», *tæžyn* (стр. 13). В. Ф. Миллер распознал этот корень также в глаголе *tæžyn* «лететь»³.

Бенвенист производит *widaž* «поводья» от **tak-*, **tač-* «бежать», имея в виду каузативное **tāca-* «заставить бежать» (стр. 13). Здесь, как это нередко бывает в этимологиях Бенвениста, семантической стороне вопроса уделено недостаточное внимание. Как известно, поводыя нужны не для того, чтобы заставлять бежать лошадь (для этого существуют плетль и шпоры), а для того, чтобы держать ее⁴; *widaž* «поводья» и *widon* «узда» заключают один и тот же корень **dā-* (арийск. *dhā-*), и если *widon* восходит к **vi-dāna-*, то *widaž* можно возводить закономерно к **vi-dāi-*. Производные от **abhi-dhā-* с формантом *-na-* имели в арийском, помимо значения «узда», еще значение «слово, название, имя»: авест. *aiwi-dāna-* «узда», др.-инд. *abhi-dhāna-* «слово, название, имя». Эти два значения могли быть присущи и производным на *-ti-*. И действительно, мы имеем, с одной стороны, осет. *widaž* из **vi-dāi-* «поводья», с другой — авест. *aiwi-dāi-* «слово». Страшно на первый взгляд сочетание столь разнородных значений, как «узда» и «слово, имя», но, найдя объяснение в семантике глагола *dhā-* «накладывать, прикреплять»: и «узда» и «имя» — это нечто такое, что «паложено», «прикреплено» к предмету. Этимология *widaž* ← **vi-tāca-* является, пользуясь термином Бенвениста, «иллюзорной».

Не удовлетворяют с семантической сто-

¹ «Русско-осетинский словарь», стр. 574.

² W. Miller, Beiträge zur ossetischen Etymologie, IF, Bd. XXI, Hf. 3—4, 1907, стр. 332.

³ ОЭ, ч. 3, стр. 149.

⁴ Цицерон лучше разбирался в этих вопросах: «Alter frenis eget, alter calcaribus» (Cicero, Epistolae ad Atticum, 6, 1, 12).

роны также усилия Бенвениста свести к одному знаменателю значения глагола *xīzun*, / *xezun* «лезть», «беречь», «пасти», «ждать». Значения «беречь», «пасти», «ждать», несомненно, связаны. Ср. тюрк. *kūl-*, *kūj-* «беречь», «пасти», «ждать»⁵. Но смысловые мосточки, которые пыгается перебросить Бенвенист от «лезть» к «беречь» и пр., весьма искусственны и ненадежны. По-видимому, мы имеем дело с омоимидами, но не тремя, как полагает И. Гершевич⁶, а с двумя: I *xīz-/xez-* «лезть», «взбираться» и пр.; II *xīz-/xez-* «беречь», «пасти», «ждать».

В. И. Абаев

⁵ См.: В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. II, СПб., 1898, стр. 1480 и сл.; K. H. Menges, Das Saçatajische in der persischen Darstellungen von Mirzā Mahdī Xān, «Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse [der Akademie der Wissenschaften und der Literatur]», Jg. 1956, № 9, Wiesbaden, 1957, стр. 106 (728).

⁶ I. Gershevitich, Ancient survivals in Ossetic, «Bull. of the School of Oriental and African studies, University of London», vol. XIV, pt. 3, 1952, стр. 493.

И. Пудик. Префикс *ga-* у готском языку. Прилог учењу о глаголском виду, «Дјела [Научног друштва НР Босне и Херцеговине]», књ. VII (Одјелене историофилозофских наука, књ. 6). Изд-ка установе САН. — Сарајево, 1956 (обл.: Београд, 1957). 399 стр.

Несмотря на многочисленные специальные работы, проблема вида/времени в древних германских языках до сих пор является спорной и продолжает оставаться в центре внимания германистов. Выводы предпринятых в конце прошлого века исследований В. Штрайтберга¹, долгое время считавшиеся «классическими», были впоследствии поставлены под вопрос: постулируемую В. Штрайтбергом теорию о наличии в готском развитой видовой системы нельзя признать обоснованной, как это видно из работ А. Бэра, А. Миновича, Ф. Шерера и других ученых². Вполне понятно, что ввиду спорности рассматриваемой проблемы, появление новых специальных исследований в этой области следует всячески приветствовать. В этой связи заслуживает внимания выпущенная

¹ W. Streitberg, Perfektive und imperfektive Aktionsart im Germanischen, PBB, Bd. XV, 1898.

² A. Beer, Tri studie o videch slovesného děje v gotštině, Praha, 1915, 1917, 1921; A. Mirowicz, Die Aspektfrage im Gotischen, Wilno, 1935; Ph. Scherer, Aspect in Gothic, «Language», vol. 30, № 2, 1954. Критический разбор теорий А. Бэра, А. Миновича и др. см. М. М. Маковский, К проблеме вида в готском языке, «Уч. зап. МГПИИЯ», т. XIX, 1959.

недавно в Югославии обширная монография Ивана Пудича, представляющая собой его докторскую диссертацию.

Книга И. Пудича состоит из введения (глава 1), содержащего краткую историю вопроса, пяти глав и заключения. В результате большой и кропотливой работы автору удалось собрать весь имеющийся фактический языковой материал, относящийся к функциям и значениям префикса *ga* в готском языке. Во второй главе книги (стр. 18—155) И. Пудич приводит в алфавитном порядке все глаголы с *ga* в готской библии (как отдельно — в виде списка, так и в контекстах, в которых они встречаются). В главе III (стр. 155—299) дается перечень мест, где готскими глаголами с *ga* переводятся греческие бесприваочные глаголы, а также места, где греческие глаголы с различными префиксами передаются в готском приваочными глаголами с *ga*. В главе VI (стр. 317—388) приводится перечень соответствий готских форм с префиксом *ga* различным греческим временным формам, в результате чего устанавливаются соответствия готского презенса греческим презенсу, будущему времени, аористу, перфекту; готского претерита — греческим перфекту, аористу и др. Именно в том, что И. Пудич собрал и систематизировал обширный фактический материал, и заключается конкретное преимущество его исследования по сравнению с работами его предшественников.

Выводы автора сформулированы в специальном «Заключении» (стр. 389—391). Вслед за В. Штрайтбергом И. Пудич констатирует, что в результате почти полного исчезновения первоначального социального значения префикса *ga* стал показателем перфективности глагольного действия. В подтверждение этого тезиса И. Пудич (как и В. Штрайтберг) совершенно справедливо указывает прежде всего на отклонения от оригинала (готские приваочные глаголы с *ga* соответствуют греческим бесприваочным); кроме того, И. Пудич приводит два следующих довода в пользу перфективного характера приваочных глаголов с *ga*: во-первых, греческие глаголы с различными префиксами (*ἀνα*, *ἐκ*, *κατα* и др.) часто передаются в готском приваочными глаголами с *ga*; во-вторых, по мнению И. Пудича, перфективное значение приваочных глаголов с *ga* становится очевидным, когда в предложении им противопоставляются бесприваочные глаголы. Что касается первого аргумента, то его вряд ли можно признать состоятельным, так как И. Пудич не приводит никаких доказательств, исключающих возможность того, что готские глаголы с *ga*, передающие греческие глаголы с различными префиксами, не могли быть имперфективными.

Такие соответствия скорее позволили бы, как нам кажется, сделать вывод о различных функциях префикса *ga* в готском,

например о значении направленности действия: ср.

J, IX, 6:...*jah gasmait imma ana augona*... (греч. ἐπέχρισεν)
J, IX, 11:... *jah bismait mis ana augona* (греч. ἐπέχρισεν)

Mk, VI, 5:...*handuns galagjands gahailida* (греч. ἐπιθείς)
Lk, IV, 40:...*handuns analagjands gahailida* (греч. ἐπιθείς)

Готские приставочные глаголы с *ga*, как показывают наши наблюдения, могли также соответствовать греческим приставочным глаголам с префиксами, не менявшими их лексического значения, например:

J, XVII, 12: *ik fastaida ins in namin seinamma* (греч. ἐτήρου)

Lk, II, 51:...*jah aitheis is gafastaida iho waurda alla in hairtin seinamma* (греч. διετήρει)

Большинство примеров, на которых И. Пудич основывает свой второй аргумент (гл. V, стр. 314—316), также вряд ли можно признать убедительными. Почему, например, *salbodes* (греч. ἡλειψας) в Lk, VII, 46 должно иметь имперфективное значение, в то время как стоящее в том же предложении *gasalbodes* (в греч. также ἡλειψεν) — перфективно? Странно, что в этой же главе приводится пример J, IX, 22, где *qethun* = греч. ἔτιον, а *gaqethun* = греч. συνέτέθειντο, т. е. *ga* используется в социативном значении. Многие примеры, приводимые И. Пудичем в главе V, совпадают с теми, которые приводит В. Штрайтберг. При этом И. Пудич вкладывает в эти примеры тот же смысл, что и Штрайтберг. Так, И. Пудич приводит пример I Cor, IX, 24: *niu wiluth thalei thai in spaurd rinnandans allai rinnand, iih ains nimith sigislaun? swa rinnait, ei garinnait* (греч. οὕτως τρέχετε ἵνα καταλάβετε). Глагол *garinnan* в этом примере, как нам кажется, имеет другое значение по сравнению с *rinnan*¹, *ga* калькирует здесь греческий префикс *κατα*. Ср. перевод бесприваочным глаголом *niman* бесприваочного *λαμβάνειν* в предыдущем тексте, а также перевод бесприваочной формы *τρέχετε* готской бесприваочной формой *rinnait*. Интересен перевод этого стиха у М. Лютера: *Laufet nun also, dass ihr es ergreiftet*. Глагол *garinnan* (греч. καταλαμβάνειν) синонимичен *gafahan* в следующих примерах (*fahan*, как

¹ *Garinnan* означает не «добежать», а «получить», буквально «схватить» (награду) — греч. καταλαμβάνειν.

правило, переводит греческие бесприставочные глаголы): Ph, III, 12: . . . *afargagga*, *ei gafahau in thammei gafahans warth*. . . (греч. καταλάβω); R, IX, 30: . . . *gafaiafhun garaihtein* (греч. κατέλαβεν).

До настоящего времени рассматриваемая И. Пудичем проблема исследовалась с помощью следующих приемов: 1) определение видového характера глаголов по контексту или 2) по форме глагола в греческом (аорист, имперфект и т. д.)¹.

Следует отметить, что первый из этих методов не лишен весьма существенных недостатков. В очень большом количестве случаев возможно двойное, а поэтому совершенно произвольное толкование форм глаголов как в перфективном, так и в имперфективном смысле. При этом отношения современного языка легко могут быть процедированы в древность, тогда как в готском языке эти отношения могли не совпадать с современными. Не является надежным критерием и второй из названных методов, так как в этом случае мы совершили бы ошибку переноса закономерностей греческого языка на готский (закономерности использования имперфекта и аориста в греческом могли не совпадать с закономерностями использования перфективного и имперфективного вида в готском). Как уже говорилось, И. Пудич лишь систематизирует фактический материал, каждый раз сравнивая его с греческим. Он никак не критикует старые методы исследования проблемы и не пытается искать иных путей ее разрешения. Отметим в частности, что И. Пудич не использует внутриязыковых сопоставлений (сравнение готского текста с готским), что могло бы привести к весьма интересным выводам.

В «Заключении» И. Пудич утверждает, что в готском (в отличие от современных славянских языков) существовал так называемый первичный (примарный) вид, который не связан с определенной грамматической формой; так называемый секундарный или вторичный вид, т. е. образуемый грамматическими средствами, по мнению И. Пудича, находится в готском в процессе морфологизации. Категория вида вследствие этого, говорит далее И. Пудич, носит в готском факультативный характер, т. е. та или иная видовая характеристика глагола зависит от контекста. Приходится отметить, что все эти выводы никак не вытекают из приведенного И. Пудичем материала, так как вопросы о примарности и факультативности вида в готском в книге И. Пудича нигде не разбираются. Факультативность упо-

требления префикса *ga* в готском можно было бы показать, по нашему мнению, путем сопоставления мест, где одинаковые греческие формы соответствуют в готском как простому, так и приставочному глаголу с *ga*; отметим также, что факультативность употребления *ga* с глаголами можно наблюдать в случаях перевода однородных членов предложения как простыми, так и приставочными глаголами с *ga*.

В рецензируемой книге не проверяется известный тезис Штрайтберга о том, что префикс *ga* является в готском формальным показателем будущего времени; в работе И. Пудича не исследуются также функции префикса *ga* при сочетании его с причастием II.

Следует, наконец, остановиться на трех функциях префикса *ga*, устанавливаемых И. Пудичем (гл. IV, стр. 299—314). Функции эти следующие: 1) социативная функция (*ga* при этом не может являться средством перфективизации); 2) употребление *ga* в перфективном значении с одновременным сохранением за этим префиксом его первоначального значения; 3) полная потеря префиксом *ga* своего вещественного значения и его употребление исключительно в перфективном значении. Необходимо отметить, что такая градация значений префикса *ga* не является новой (ср., например, работы В. Штрайтберга и его последователей). Многие приводимые И. Пудичем примеры, иллюстрирующие наличие в готском указанных трех функций *ga*, не всегда убедительны. Так, на стр. 300 приводится глагол *garinnan* (греч. συνέρχομαι) — Lk, V, 15, в котором, согласно И. Пудичу, префикс *ga* выполняет первую сформулированную им функцию. Но чем функция *ga* в указанном случае отличается от функции этого префикса в глаголе *gagagan* (греч. συνέρχομαι) — Mk, III, 20, которым И. Пудич иллюстрирует употребление *ga* во второй функции? Мы вполне согласны с И. Пудичем, когда он приводит отклонения от греческого оригинала в качестве доказательства третьей функции *ga*. Странно, однако, что тут же даются соответствия греческих приставочных глаголов и готских глаголов с *ga* (например, *galeithan* = ἀναβαίνω; *gamulan* = ἀναμμιώνκειν и др.). Такие случаи, конечно, не могут служить доказательством перфективного значения *ga*. Отметим, наконец, что список литературы, приведенный И. Пудичем, не является исчерпывающим.

Выше был дан критический разбор отдельных положений И. Пудича. Вместе с тем необходимо отметить, что собранный И. Пудичем большой фактический материал, несомненно, может явиться солидной основой для дальнейших исследований проблемы вида/времени в древних германских языках.

М. М. Маковский

¹ Разбор различных приемов анализа, применявшихся при исследовании интересующего нас вопроса, см. в моей статье, указанной выше.